

Повреждено наводнением 23 Сентября 1924 года
Endommagé par l'inondation du 23 Septembre 1924

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТОМ I

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНАУКА)
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ГОСИЗДАТ)

ЛЕНИНГРАД
1925

Коран и море.

В статье Н. Вауег'а о кораническом термине *фульк* «корабль» в «Энциклопедии ислама» указывается на сильное впечатление, произведенное на Мухаммеда плаванием кораблей по морю; говорится, что во многих местах Корана¹ подчинение человеку морских волн, носящих на себе построенные им суда, рассматривается как особый знак милости Божьей.

Н. Вауег мог бы к этому прибавить, что картины моря и морских бурь в Коране отличаются такой яркостью, какая вообще в Коране редко встречается. Мухаммед, обнаруживающий довольно скудное воображение в картинах природы, даже в описании райских садов, живо представлял себе, как корабли рассекают волны (Кор. 16,14), как приятно плавать по морю при небольшом ветре и какой ужас испытывают моряки, когда начинается бурный ветер и со всех сторон поднимаются волны (10,29). Жизнь неверных сравнивается с маревом в пустыне (24,39) и с мраком, воцаряющимся над бурным морем, причем и в этом случае пророк живо представлял себе, как поднимается волна над волной, а поверх волн расстилаются тучи, и наступает такой густой мрак, что протянувший руку едва видит ее (24,41).

Традиционная биография Мухаммеда, сира, достоверность которой так сильно поколеблена новейшими исследователями, не дает нам точного материала для ответа на вопрос, как и когда Мухаммед получил такое яркое представление о море и морских бурях; этот вопрос представляет особенный интерес потому, что картины моря вообще чужды арабской поэзии, в особенности до-мусульманской. Биография Мухаммеда не приписывает ему никаких морских путешествий, даже никаких путешествий к берегу моря; нигде не говорится, чтобы Мухаммед посетил хотя бы ближайšie к Мекке гавани — Джидду и Шу'айбу (первая упоминается у Табар, I, 1135,10.

¹ Цитуются стихи 14,37; 16,14; 17,68; 31,30; 35,18; 36,41 и друг.

в рассказе о выброшенном на берег греческом судне, которымъ воспользовались корейшиты для перестройки Ка'бы, вторая—в рассказе о первом выселении мусульман в Абиссинию; Шу'айба находилась несколько южнее Джидды)¹. Говорится о путешествии Мухаммеда в Сирию сначала с караваном его дяди Абу-Талиба, потом с караваном его будущей жены Хадиджи, но и в этих рассказах нет ни слова о прибытии Мухаммеда хотя бы в ближайший к Аравии приморский город Сирин, Газу, где потом показывали могилу его предка Хашима. Путешествие Мухаммеда в Сирию—одна из тех подробностей биографии пророка, в достоверности которых сомневаются новейшие исследователи. По поводу скудости воображения, проявленной Мухаммедом при описании райских садов, Ламменсом² ставится вопрос: «Comment consilier cette indigence descriptive avec l'hypothèse de ses voyages en Syrie?». Мало убедительно мнение, повторенное и современным исследователем Хиршфельдом³, что стих Корана (37,137), где Мухаммед после описания гибели соотечественников Лота говорит корейшитам: «Вы проходите и утром и ночью по тем местам, где они были», указывает на знакомство самого Мухаммеда с берегом Мертвого моря. В биографии пророка есть также известие, восходящее, через Ибн-Са'да и Вакиди, к Зухри, что Мухаммед ездил с караваном Хадиджи к рынку Хубаша (حباشة) в Тихаме. Тихамой, как известно, называлась в Аравии жаркая прибрежная полоса, к которой, однако, причислялись и местности, находившиеся от моря в довольно значительном расстоянии; так иногда в Тихаме помещали и Мекку. Среди приморских пунктов Аравии рынок Хубаша не упоминается, и вообще о его местоположении не было точных сведений; Якут знает его только по хадису, приписанному Зухри, и по одному сочинению Абу-Убейды, где рынок Хубаша назван рынком кейнука', т. е. жившего в Медине иудейского племени, впоследствии изгнанного самим Мухаммедом. Нет никакого основания полагать, что эти иудеи, городские ремесленники, не имевшие своей земли, жили на самом берегу моря или хотя бы торговали там.

Арабское слово بحر, как и персидское دریا, значит не только «море», но также «большая река»; этим, как признают и некоторые мусульманские комментаторы, объясняются те стихи Корана (25,55 и 35,13), в русском переводе производящие довольно странное впечатление, где говорится о двух морях, пресном и соленом. В одном стихе (25,55) прибавлено, что между обоими морями Бог поставил преграду и ненарушимое запрещение. Понятие «пресный» обозначается словом فرات, как называлась и река Евфрат;

¹ BGA, VI, 148,8; 193,1.

² Berceau de l'Islam, I, 90.

³ New researches into the composition and exegesis of the Qoran, 28.

вполне возможно, что это созвучие здесь не случайное и что в стихе Корана (35,19), где говорится, что из обеих морей, соленого и пресного, люди получают нужные им товары, имеется в виду судоходство по Индийскому океану и по Евфрату. Под преградой в этом случае надо понимать те отмели, которые преграждали Евфрату путь к Персидскому заливу. Известно, что в то время главным рукавом Евфрата считался западный рукав, протекавший мимо Хиры и терявшийся в болотах; только второстепенные рукава Евфрата соединялись с Тигром, впадавшим в море. Еще в IX и X вв. у мусульман существовало представление, хотя и ошибочное, будто пространство суши между Хирой и морем образовалось сравнительно недавно и будто Хира первоначально была морской гаванью. О местностях по Евфрату Мухаммед имел некоторые сведения: кроме Египта, Вавилон—единственный географический пункт вне арабского полуострова, упомянутый в Коране (2,96).

Крайне любопытна та связь, которая устанавливается в Коране между мореплаванием и почитанием единого Бога Аллаха. По статье Макдональда Allah в Энциклопедии ислама жители Мекки призывали Аллаха в минуту особенной опасности. В одном месте Корана (16,55 и сл.), действительно, сказано, что вообще всякое бедствие (ضَرٌّ) заставляет людей обращаться к Аллаху, а когда Аллах удаляет от них бедствие, то некоторые из них придают своему Господу соучастников, т. е. снова впадают в многобожие. Но в четырех других стихах (10,23, 17,69, 25,65 и 31,31) призывание Аллаха, с обещанием служить ему одному, связывается с опасностью во время морской бури, возвращение к многобожию — с возвращением на сушу. Иллюстрацией к этим стихам Корана может служить предание, рассказанное у Табары (I, 1640 и сл.) со слов Ибн-Исхака, но не включенное в текст Ибн-Хишама, поэтому не использованное Шпренгером и не вошедшее в обиход европейской науки. Приводится рассказ одного из врагов Мухаммеда, исключенного им при взятии Мекки из амнистии, Икримы, сына Абу-Джахля: „Я хотел отправиться в море, чтобы присоединиться к абиссинцам; когда я подошел к кораблю, чтобы сесть на него, владелец корабля сказал: «Раб Божий, не садись на мой корабль, пока ты не признаешь единства Божьего и не отречешься от божеств, кроме него; я боюсь, что если ты этого не сделаешь, мы погибнем на корабле». Я сказал: «Разве никто не пускается в море, если он не признал единства Божьего и не отрекся от всего, кроме него?». Он сказал: «Да, никто не пускается в море иначе, как с чистой верой». Я сказал: «Тогда из-за чего мне расставаться с Мухаммедом? Это то самое, с чем он пришел к нам; клянусь Аллахом, наш Бог на море есть и наш Бог на суше». Тут я познал ислам, и он вошел в мое сердце“.

Разумеется, нельзя доказать, что в этом рассказе, приписанном Икриме, передается действительное происшествие. Икрима, как несколькими строками выше говорит сам Ибн-Исхак, был помилован Мухаммедом по ходатайству своей жены Умм-Хаким, принявшей ислам; она отправилась искать своего мужа, бежавшего в Йемен, и привела его к пророку. В другом рассказе Табарн (III, 2306 и сл.), извлеченном из сочинения предшественника Ибн-Исхака, Мусы ибн-Окбы, через посредство Вакиди, подробности передаются несколько иначе; выпросив помилование своему мужу, Умм-Хаким отправилась искать его и нашла его в одном из береговых пунктов Тихамы, когда он уже успел пуститься в море, т. е. сесть на корабль. Она стала делать ему знаки и говорила: «Сын моего дяди, я пришла к тебе от самого милостивого из людей, добрейшего из людей, лучшего из людей; не губи своей души; я уже просила у него помилование для тебя, и он тебя помиловал». Он сказал: «Ты сделала это?» Она сказала: «Да, я поговорила с ним, и он тебя помиловал». Он вернулся вместе с ней; когда он приблизился к Мекке, посланник Божий сказал своим приверженцам: «К вам приходит Икрима, сын Абу-Джахля, как верующий и мухаджир; не браните его отца; брань, относящаяся к мертвому, обижает живого и не доходит до мертвого». После этого рассказывается о свидании Икримы с Мухаммедом.

Из рассказа раннего шиитского автора Я'куби (II, 62) даже можно вывести заключение, что Икриме вообще не пришлось спасаться бегством из Мекки. Говорится, что пророк после взятия Мекки велел Билялю подняться на Ка'бу и оттуда произнести призыв к молитве. Корейшиты придали этому большое значение; Икрима, сын Абу-Джахля, и Халид, сын Асида, сказали: «Ибн-Рабах, т. е. Билаль, ревет над Ка'бой». (О том же) заговорили (другие) люди, посланник Божий послал (человека) к ним, они сказали: «Мы (это) сказали и просим прощения у Бога». Мухаммед сказал: «Я не знаю, что сказать вам, но наступает время молитвы; кто совершит молитву, перед тем открыт путь, а кто не совершит, того я выведу вперед и отрублю ему голову». Я'куби, таким образом, считал Икриму свидетелем первого мусульманского богослужения в Ка'бе.

Близкое сходство с рассказом Мусы ибн-Укбы о бегстве Икримы представляет, даже в выражениях, рассказ Ибн-Исхака¹ о бегстве другого корейшита, родственника Мухаммеда, Сафвана ибн-Умейи (мать Мухаммеда была дочерью прадеда Сафвана). Сафван бежит в Джидду, чтобы оттуда отправиться в Йемен, очевидно морем; для него испрашивает помилование его старший родственник Умейр-ибн-Вахб, брат матери Мухаммеда; Умейр

¹ Ибн-Хишам. 825 и сл. Табарн, I, 1644 и сл.

застает Сафвана в Джидде, когда он уже готов отправиться по морю, угоривает его не губить своей души, говорит ему о Мухаммеде: «Сын твоей тетки — превосходнейший из людей, добрейший из людей, самый кроткий из людей, лучший из людей; его величие есть твое величие, его знатность — твоя знатность. его царствование — твое царствование». Сафван после некоторого колебания был убежден доводами Умейра и вернулся с ним к Мухаммеду.

Сопоставление этих рассказов наглядно показывает, как значителен элемент литературного творчества даже в известиях о последних годах жизни Мухаммеда, не говоря уже о меккском периоде его деятельности. Тем не менее приписываемый Икриме рассказ, даже если видеть в нем только легендарный мотив, представляет любопытную параллель к стихам Корана о призывании Аллаха на море и возвращении к подлопоклонству на суше. Возможно, что морское сообщение между Аравией и противоположным берегом Красного моря находилось в руках христиан абиссинцев и что христиане боялись навлечь на себя и на свой корабль гнев Божий, если среди них будет нечестивый язычник. В таком случае в этих стихах Корана можно видеть новое подтверждение того вывода, к которому все более приходят исследователи начальной истории ислама: что представление Мухаммеда об Аллахе сложилось больше под влиянием христианской, чем под влиянием еврейской идеи единобожия.

В. Бартольд.